

Наталья Луттера

(С)нежные дни

В жизни все как в сказке...

Чаепитие с книгой

Наталья Литтера
(С)нежные дни

«У Никитских ворот»

2021

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.44

Литтера Н.

(С)нежные дни / Н. Литтера — «У Никитских ворот»,
2021 — (Чаепитие с книгой)

ISBN 978-5-00170-357-0

Чтобы изменить свою жизнь, Катя переезжает в небольшой поселок. Новый дом, новая работа, новые знакомые. Когда в самом конце декабря соседка попадает в больницу, Катя забирает к себе ее десятилетнего сына, потому что присмотреть за ребенком некому. Планы на праздничные выходные приходится менять. Но, может, это к лучшему? «(С)нежные дни» – добрая, теплая история с запахом хвои и шоколада, вкусом ароматного чая и верой в сказку. В книгу также вошли новелла «Пятница, четырнадцатое» и стихотворения автора.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-357-0

© Литтера Н., 2021
© У Никитских ворот, 2021

Содержание

(С)нежные дни	6
Только Пашку не оставляй	6
Приреченск, Вырубка, Ярослав	8
Дом на окраине	11
Кризис среднего возраста	13
Прекрасная Марго	15
Сказка	19
Ожидание праздника	20
Капитан дальнего плавания	23
Значит, он все-таки существует	27
Про метаболизм	30
Сказка	32
Лыжи и валенки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Литтера

(С)нежные дни

© Литтера Н., текст, 2021

© Литтера Н., иллюстрации, 2021

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2021

(С)нежные дни

Только Пашку не оставляй

Только Пашку не оставляй! Только Пашку не оставляй! – кричала Марго, когда ее увозили на операцию из приемного покоя.

– Все хорошо будет с Пашкой! – кричала в ответ Катя.

Как же она оставит Пашку без присмотра? Катя опустилась на обтянутый черным дерматином стул. Рассиживаться ей, конечно, не дадут. Но дух перевести можно. От Вырубки до Приреченска на маршрутке со всеми остановками сорок минут, а на машине меньше чем за полчаса можно добраться. На скорой помощи с мигалкой доехали еще быстрее. Не было в Вырубке своей больницы, только амбулатория с терапевтом и медицинской сестрой да санаторий, куда все местные жители потихоньку бегали кто на физиотерапию, кто на массаж, если совсем замучит остеохондроз. А больницы своей не было.

И если вдруг случится резкая боль внизу живота, как у Марго, выход один – скорая помощь и в город. Скорая добиралась долго, Марго от приступов уже вся белая была, и когда наконец машина въехала во двор, Пашку отправили к Тамаре Ивановне, а Катя взялась сопровождать подругу. Не оставлять же ее одну. Тем более в выходной, когда в больнице будет только дежурный врач.

Им повезло. Дежурным врачом оказался хирург. Осмотрев прибывшую и сказав, что это аппендицит, он распорядился быстро подготовить операционную и процитировал классику советского кинематографа: «Резать к чертовой матери»¹.

И без того бледное от боли лицо Марго стало совсем белым, большие темно-карие глаза казались теперь огромными, рот приоткрылся.

– Все будет хорошо, – поспешила успокоить подругу Катя. – Все будет хорошо.

– Только Пашку не оставляй, – цепляясь за Катин рукав, выдохнула Марго. – Если что пойдет не так, маме моей позвони... Да ты телефона не знаешь. Тамара Ивановна знает...

– Хватит глупости болтать. Через неделю домой вернешься как новенькая, а через месяц вообще забудешь, что у тебя была операция. За сына не переживай, поживет у меня.

– Он лего хотел. Я купила и спрятала в гардеробе. Ты в мою комнату зайдешь, большую створку откроешь, там одежда висит, а внизу вроде как простыни сложенные лежат – это я коробку прикрыла, спрятала. Под елку ему положи. И елку-то не нарядили!

– Нарядим, все сделаем. Ты, главное, не переживай. Я справлюсь, у меня опыт общения с детьми имеется.

– И в церковь зайди! Свечку за здоровье поставь! Мало ли что...

– Марго!

– Молчу, молчу... Только Пашку не оставляй. – В огромных глазах появились слезы.

До того момента, как Марго увезли готовить к операции, Катя раз двадцать поклялась, что Пашку ни за что не оставит.

¹ Фильм «Покровские ворота».

Приреченск, Вырубка, Ярослав

Сидеть ждать окончания операции Катя спокойно не могла, поэтому решила прогуляться по городу. Выйдя за ворота больницы, она неспешно пошла вдоль дороги, думая, что надо бы заглянуть в торговый центр и купить подарки. Но настроение было тревожное, не до покупок. Так и шла Катя вперед, рассматривая витрины и время от времени поглядывая на часы – не пора ли поворачивать обратно?

Приреченск она знала хорошо, приехала сюда сразу после окончания института и устроилась в местную школу, в которой проработала семь лет. А потом резко изменила свою жизнь. Уволилась и уехала в Вырубку – там как раз не хватало учителей.

Катя шла, думала о том, как странно даются имена городам и людям. Вот, например, Приреченск. Сразу представляется что-то старинное, купеческое, с широкой судоходной Волгой. Но Волги здесь нет. Правда, есть небольшая река Вохринка и еще две мелкие, больше похожие на широкие ручьи. Да и сам город новый, без какого-либо важного исторического значения, полтора века назад еще деревней был. Деревня же была при реке. Приреченка.

А Вырубка? Когда-то здесь были обширные леса, потом их стали вырубать, появились новые поселения. Так возникла Вырубка, а санаторий называется «Лесные дали». Смешно же, «Лесные дали» в Вырубке.

С людьми не менее забавно. Ярослав – красивое древнее имя, сразу представляется сильный, умный и дальновидный Ярослав Мудрый. Вот Катя думала, что ее Ярослав такой же – сильный и умный. Оказалось, что просто хитрый, просто карьерист. Ей же потребовалось целых пять лет, чтобы это понять. Любила, ждала, понимала, поддерживала, верила, а потом услышала: «Знаешь, наверное, у нас ничего с тобой не получится». А потом узнала от добрых людей, что ее прекрасный Ярослав всю ухаживает за дочкой местного бизнесмена – владельца автосервиса, сауны и ресторана и, кажется, при поддержке будущего тестя метит в приреченские депутаты. Вот так. И девушка красивая (Катя ее видела), и возраст хороший – около двадцати пяти, и перспективы с таким папой манящие. Тридцатилетняя учительница в этом плане не очень интересна, конечно.

У кого-то из классиков Катя читала, что женщина больше всего ненавидит того, кого когда-то сильно безответно любила, ибо потом осознает, что потратила впустую свои лучшие годы. Наверное, это писали про нее. Не сказать что любила безответно. Скорее безоглядно. Сильно, ярко, до головокружения. Он был хорош собой, темноволосый и голубоглазый, умный, добрый, ухаживал красиво, на море ездили вместе, квартиру снимали вместе, пожениться должны были, да как-то все откладывалось. То на работе проблемы – не до этого, Ярослав работал в комитете по делам культуры и спорта Приреченска, то надо думать, как свой маленький бизнес создать по-умному. Зарплата не очень большая, а государственным служащим собственный бизнес иметь не полагается. Тут следует все грамотно продумать. Вот Катя и ждала, когда продумает, пару раз заводила разговор о ребенке, время все же идет.

– Ну что ты, малыш, – отвечал ей Ярослав, – какое время? Ты у меня красавица, выглядишь на двадцать. Потерпи совсем немного, распишемся, как люди, потом и родим.

Потерпела. Теперь ненавидела обоих – его и себя. Его – за ложь и украденные годы, себя – за глупость и слепоту. Все оправдывала, каждый его промах. Задержался и не позвонил? Работа важная. Чрезмерно улыбался и говорил комплименты чужой женщине – так она жена видного местного бизнесмена, это называется «полезные знакомства». Не торопится с ребенком? Все правильно, сначала надо устроить жизнь. И так во всем. И так все пять лет. Всепонимающая, всепрощающая Катя – идеальная спутница, у которой и дома уют, и ужин готов, и выслушает внимательно, не перебивая.

Думать об этом теперь, после разрыва, было невыносимо. Все, чем жила, во что верила, оказалось пустотой. И вот тебе уже тридцать один, у глаз собираются первые морщинки, юность позади, жизнь не устроена. Не стала ни женой, ни матерью. Брошенная женщина. А за спиной пересуды, перегляды, шепот. Приреченск – город маленький, слухи распространяются быстро. Женский коллектив – вещь беспощадная. Бьют прицельно, в самое больное и непременно с сочувствующей улыбкой.

– Видела вчера Ярослава с невестой. Хорошенькая, конечно. Какие же мужики сволочи.

Ключевое слово – невеста. Вот Катя была любовницей. А эта – невеста. С дальнейшими планами на свадьбу, а значит, и на семью.

Решение уехать зрело несколько месяцев. Катя не хотела больше ходить по этим улицам, боясь и одновременно желая увидеть его, чтобы потом до утра рыдать в подушку, не хотела слышать новости об уже бывшем и не ее Ярославе, хотела покоя. Искала, куда уехать, а потом узнала про вакансию в Вырубке.

Все оказалось очень просто. Надо было только решиться. Никто из знакомых Катю не понял. Перебраться из города в поселок, из хорошей новой школы в маленькую и старую? Разве не глупость? Какие там перспективы? Это же спрятать себя, еще такую молодую и красивую. А ей, может, и хотелось именно спрятаться, чтобы никто в душу не лез с пониманием и утешениями.

В Вырубку Катя перебралась летом, познакомилась с директором, оформила документы и в сентябре уже получила классное руководство над пятиклассниками. Конечно, надолго оставаться в поселке она не планировала, дала себе пока год – до будущего лета, а там посмотрим.

Сейчас, идя знакомыми улицами, любуясь на красивые, убранные к Новому году витрины, вспоминалось, как еще год назад она готовилась к празднику, наряжала елку, загадывала под бой курантов желание выйти замуж и забеременеть. Да, вот такое очень простое желание. Только вместо этого... на глаза предательски навернулись слезы. Катя сердито смахнула их кончиками пальцев. Хватит. Наплакалась. Не будет она думать о Ярославе. О Пашке надо. Если кому и покупать подарок, то ему. Должна быть у мальчика хоть какая-то радость, если уж самый волшебный праздник придется встречать без мамы.

Катя завернула за угол, там находился магазин для детей, где она недавно покупала игрушки для племянника.

Через полчаса она вышла из магазина с настольной игрой и набором машинок, а еще через двадцать минут была в больнице. Дежурная медсестра отчиталась, что операция прошла успешно, больную пока поместили в реанимацию, но завтра утром, если все будет в порядке, переведут в палату. Еду никакую привозить не надо, потому что теперь предстоит строгая послеоперационная диета, а если вещи необходимо передать – тогда пожалуйста.

Катя почувствовала, как отлегло от сердца, и задышалось свободнее. Операция прошла успешно. Марго в порядке. Дальше уже восстановление. Надо подождать всего несколько дней.

Выйдя из больницы, Катя набрала номер мамы.

– Привет, – сказала, когда произошло соединение.

– Привет, котенок.

Они с папой с самого детства звали ее котенком. Катя, Кэт, Китти, котенок.

– Мам, тут такое дело... я знаю, что обещала приехать к вам на Новый год, но не получается.

Пришлось рассказать про Марго, аппендицит и Пашку, который теперь будет ночевать у нее. Катя знала, как ждали ее на праздники родители. Они жили недалеко, полчаса на электричке от станции Приреченск и потом по городу двадцать минут на автобусе или семь на такси. Мама, конечно, расстроилась, но согласилась, что ребенка не бросишь.

– Я понимаю, котенок, – сказала она.

– Я приеду, – пообещала Катя. – Как только Марго из больницы выпишут, так сразу и приеду.

Она знала, что в эти дни родители не останутся в одиночестве, обязательно придет в гости брат с семьей, да еще и племянника оставят с ночевкой, а может, и не с одной. Так что скучать маме с папой не придется. Но все равно стало немного грустно. Так всегда бывает, когда внезапно меняются долгожданные планы.

Небо начало темнеть, скоро вечер. В декабре дни короткие. Заглянув в продуктовый и, купив мандаринов, конфет и курицу, Катя направилась на автовокзал. Пора возвращаться домой.

Дом на окраине

Дом, в котором снимала квартиру Катя, стоял почти у самого леса, на последней улице. Наверное, там, где вырубка деревьев когда-то закончилась. Домов таких, оштукатуренных, двухэтажных, четырехквартирных, с сараями и собственным внутренним двором в поселке было несколько. Их строили тогда специально для сотрудников санатория. Годы шли, времена менялись, хозяева тоже. Кто-то уехал, кто-то оставил жилплощадь родственникам, а кто-то и по сей день жил в квартире, которую помнил новенькой, только отстроенной, и вспоминал минувшие времена.

Катя тряслась в неудобном автобусе и хотела скорее добраться до своего жилища, включить свет, поставить чайник, чтобы день, с его волнениями, уступил место тихому уютному вечеру. Ей нравилось неторопливо пить вечерний чай, листая книгу, поглядывать время от времени в окно и думать о том, что она живет у самого леса. Это почти как на краю земли. С другой стороны поселка – дорога, оживленные улицы, санаторий, магазины, а здесь – тишина.

Дома Катю ждали. Четыре квартиры и общий двор – это почти семья.

На первом этаже жила немолодая пара – Тамара Ивановна и Борис Ильич. Они были как раз из тех молодых медиков, которые приехали работать в только-только открывшийся санаторий. Дети их давно выросли и жили теперь в столице, приезжая раз в год летом. Но звонили часто.

Борис Ильич был молчалив и немногословен. Обычно он обходился одним непереводаемым словом: «Мгм...» В зависимости от интонации слово это могло означать все, что угодно: от многозначительного комментария до похвалы. Обычные слова Борис Ильич использовал в крайних случаях, считая, что нечего их тратить попусту, вокруг и так слишком много бесполезной болтовни.

Впрочем, Тамара Ивановна отлично понимала своего супруга и совершенно искренне полагала, что у них в семье прекрасное распределение ролей. Она говорит – он слушает.

– Хороший слушатель – это редкость, – сказала как-то Тамара Ивановна Кате, перебирая в большой корзинке разноцветные клубки. – Тот, кто выслушает, не перебьет, поймет.

И Катя не могла не согласиться с соседкой.

Тамара Ивановна была невысокой сухонькой старушкой с аккуратным седым каре. Ее очки неизменно висели на цепочке на шее – чтобы всегда находиться под рукой. Она вязала удивительные вещи, часть из которых удавалось продать в избе-галерее. Идея с продажей пришла в голову неугомонной Марго, она же взяла на пробу по три пары шерстяных носков и пестрых варежек.

– Это же народные промыслы! – провозгласила Марго и днем позже сдала вязаное добро на продажу. Через неделю принесла деньги. С тех пор вязанье стало хорошим подспорьем для пенсионеров.

Борис Ильич прекрасно мастерил из ниток помпоны и кисти, а Тамара Ивановна занималась непосредственно вязанием.

Сама Марго жила в квартире напротив с мамой и сыном – десятилетним Пашкой. И, конечно, случись приступ аппендицита в другое время, вопрос, с кем оставить ребенка, не возник бы. Но так получилось, что месяц назад родила сестра Марго, и мама укатила в далекий Мурманск, где служил зять, помогать с новорожденной внучкой.

Добравшись до дома, Катя первым делом позвонила в квартиру Тамары Ивановны.

– Как Паша? – спросила, ступив за порог.

– Паша хорошо, поужинал котлетами, чай собираемся пить. А как Марго?

– Марго тоже хорошо. Оказался аппендицит. Операция прошла успешно, завтра должны перевести в обычную палату.

Тамара Ивановна, сама в прошлом медицинский работник, охоть и ахоть не стала, лишь поправила очки:

– Вы заходите, Катенька, – почему-то она всегда к ней обращалась на «вы», – чаю с нами попьете и уже потом пойдете.

– Я как раз конфеты купила и мандарины, – сказала Катя, разматывая с шеи шарф.

– Конфеты шоколадные? – уточнила хозяйка.

– Конечно. Я же знаю, что других вы не признаете.

– Боря, Катя привезла из города шоколадных конфет, ставь чайник!

– Мгм... – раздалось из глубины комнаты.

– А где мама? – выбежал в коридор Паша.

Был он невысокий, светловолосый и с едва заметными веснушками на носу даже зимой.

Катя взяла мальчика за руку и очень серьезно, как с взрослым, заговорила:

– Мама заболела, и врач ее оставил в больнице. Домой не отпустил. Но сказал, что ничего страшного, просто надо несколько дней полежать, уколы поделать, лекарства попить. Мы с мамой договорились, что тебе пока придется пожить у меня.

Пашка молчал, думал.

– Ладно, – наконец согласился он. – А позвонить ей можно?

– Можно, но только завтра. Сегодня уже поздно, мама отдыхает.

Пашка понимающе кивнул и задал следующий вопрос:

– Можно я к вам свои игрушки заберу?

– Можно, – улыбнулась Катя. – Сейчас чай попьем и заберем из твоего дома все самое необходимое.

– Молодые люди, – в коридор заглянула Тамара Ивановна, – прошу к столу.

Чай пили в гостиной за круглым столом со скатертью. В комнате работал телевизор, передавали новости. Диктор рассказывал о том, сколько новогодних елок поставили в Москве и какие мероприятия ожидают жителей и гостей столицы, операторы показывали нарядные недавно залитые катки.

– Ну надо же, какая красота, – комментировала увиденное Тамара Ивановна.

– Мгм, – вторил ей Борис Ильич, соглашаясь и отхлебывая чай из большой кружки.

Каток на Красной площади ему очень понравился.

– А как же мы? – вдруг раздался голос Пашки, какой-то необычно тонкий и беспокойный. – А как же у нас Новый год? Бабушки нет, мама в больнице. И елки нет...

– Елку мы поставим, – пообещала Катя, – и подарки будут. А маме позвоним ночью обязательно – поздравим.

– И стол, как полагается, накроем, – добавила Тамара Ивановна.

– Стол накроем у нас, – уточнил Борис Ильич и вернулся к своему чаю.

Последнее слово в этом доме всегда оставалось за ним.

После того как чаепитие закончилось и Паша забрал из своей квартиры любимые игрушки, а Катя на всякий случай запасную одежду, они поднялись на второй этаж. Именно там теперь жила Катя. Пропуская вперед мальчика, она глянула на дверь напротив. Эта квартира стояла пустая.

Тамара Ивановна как-то сказала, что в ней жили очень хорошие люди.

Кризис среднего возраста

– Может, ты все-таки передумаешь, останешься? И Ленка будет рада.

– Нет. – Вадим покачал головой, хоть друг его и не видел. – Спасибо, конечно, за приглашение. Но я поеду.

– Чего ты там один собираешься делать?

Вадим пожал плечами в ответ. Впрочем, Серега и этого не увидит, поэтому ответил односложно:

– Потянуло.

– А-а-а... – протянул, будто понял, Серега. – Моя жена это называет кризисом среднего возраста.

Может, она права? И это действительно кризис? Вадим потер ладонью лоб.

– В общем, – продолжал говорить друг, – если передумаешь, звони. Мы будем рады.

– Добро.

Когда разговор закончился, Вадим еще некоторое время смотрел на трубку. Надо бы позвонить Ольге, сказать, что уезжает. Она закатит скандал и будет абсолютно права.

Вадим сам не понимал, что с ним в последнее время происходит. Навалилась вдруг какая-то тоска и чувство абсолютного одиночества. И мысль, что скоро сорок. Ну сорок, ну что такого? Еще молод, еще полон сил. Есть хорошо оплачиваемая работа. Живет в Москве. Правда, это жизнь между командировками. Есть женщина, и эта женщина ждет, когда он позвонит ее замуж. Вадим точно знал, что стоит лишь позвать, она сразу все организует сама – шторы новые повесит, мебель переставит, кухню модернизирует и ребенка родит. И будет у него та самая настоящая семья. Та, которую он хотел. Та, которая есть у Сереги, и, может быть, именно поэтому он сейчас отклонил приглашение друга встретить Новый год у них дома. Не представлял себя сидящим в компании счастливых устроенных людей. Серега будет громко произносить тосты, Ленка подкладывать сложные майонезные салаты, теща к месту и не к месту цитировать классиков, дети сидеть под елкой – разворачивать игрушки, а потом громко спорить, кому какая. К половине первого все выйдут во двор запускать фейерверки. Вадим знал всю эту новогоднюю программу наперед. Как знал и то, что, находясь с ними, почувствует себя не частью общего, а наблюдателем со стороны. И эта роль заставит его лишь острее почувствовать свою внутреннюю неприкаянность, которая мучила последние несколько месяцев.

Конечно, можно взять с собой Ольгу. Она, надеявшаяся на тихий интимный Новый год вдвоем, повздыхает, но согласится. Все-таки совместный выход – это уже какое-то закрепление своего положения. И, наверное, именно это и стоило бы сделать. Пора налаживать личную жизнь.

Но что-то останавливало. И где-то там, в подсознании, Вадим точно знал, что именно, но старался об этом не думать. Он не любил Ольгу. А она не любила его. Ему нужна была женщина. Ей надо было замуж. Все совпало, только и всего. Хотя в этом, может, тоже кроется элемент везения. Так живет довольно много людей, так они устраивают свои жизни, так спасаются от одиночества. И надо бы уже как-то определиться к своим сорока.

Возраст Вадима не пугал, как не пугала и появившаяся седина в коротко стриженных волосах. Были русыми, стали пегими, только и всего. Но сорок – это некий рубеж, промежуточное подведение итогов. Итоги в целом были неплохие. Вот только счастливым от этого Вадим себя не чувствовал. Сегодня утром встал и решил, что поедет на праздники домой. Хоть дома его никто и не ждал. С тех пор как родителей не стало, а они ушли друг за другом в течение полугода – мама не смогла пережить смерть отца и просто ушла за несколько месяцев, Вадим там почти не бывал. Слишком больно оказалось возвращаться, видеть пустую квартиру, полную знакомых вещей, которые когда-то принадлежали самым дорогим для него людям. Больно

было смотреть на мамино пианино, папины справочники и энциклопедии и даже на свой старый письменный стол, который купили перед самой школой. Ведь стол тоже напоминал о той прошлой счастливой и безвозвратно ушедшей поре.

Вадим не вычеркнул свой дом из жизни. Он всегда был с ним, как и родители. Вадим просто закрыл дверь между прошлым и настоящим. Так было проще справиться с потерей. Жить работой, поездками, командировками, столичной суетой, общением с друзьями, встречами с Олей... А сегодня проснулся и вдруг почувствовал, что хочет в Вырубку. В свой родной дом, потрогать забытые вещи. И, может быть, именно там он сможет найти потерянный покой и хотя бы некоторое время передохнуть.

А по дороге можно будет завернуть в торговый центр. И не для того, чтобы мучительно выбирать подарок для Олиной мамы. С Олей все понятно. Ювелирный – беспроегранный вариант.

Вадим неожиданно для самого себя понял, что очень хочет заглянуть в торговый центр. И он даже точно знал, что там покупать. Шоколадные конфеты, хороший коньяк, семена необычных цветов, красивый платок и что-нибудь очень мальчишеское.

Прекрасная Марго

Когда в конце восьмидесятых годов прошлого века главная повариха «Лесных далей» ходила беременная своим первым ребенком, вечерами она читала роман Дюма-отца про прекрасную французскую королеву, дворцовые тайны, коварные интриги и великую любовь. «Да, – вздыхала повариха, – были времена, мужчины за женщин дрались, шли ради них на смерть, целовали край их платья и писали сонеты». В общем, появившуюся на свет пару месяцев спустя девочку назвали Маргаритой, в честь французской королевы².

Время шло, девочка росла, и вскоре стало понятно, что более неподходящего имени для ребенка придумать было невозможно. Единственное, что объединяло ее с французской королевой, – это красота. Только красота Марго из Вырубки была другая – славянская. Круглое лицо, на котором румянец расцветал, как маков цвет, голубые глаза, чуть курносый нос с россыпью веснушек, русые волосы. Коса такая, что короной вокруг головы можно оборачивать. Когда наступали холода, носила Марго вместо шапок павлово-посадские платки – знала, что хороша в них. А как улыбнется – появляются ямочки на щеках. Да и телом Марго была богата – грудь пышная, бедра крутые. Закончив медицинское училище, устроилась она в санаторий. А куда еще? «Лесные дали» кормили весь поселок. Повара, шоферы, массажисты, уборщицы, администраторы, медицинский персонал составляли население Вырубки. Когда произошел распад СССР, думали, не выживут. Но прежний директор «Лесных далей» был мужик волевой и умный. Трудно пришлось, несколько раз оказывались на грани закрытия, однако выстояли. И корпуса сохранили, и персонал. Даже в самое сложное время отдыхающие питались наваристыми борщами, ходили на массажи, ингаляции и душ Шарко. А потом все как-то начало выправляться, и теперь уже в список услуг были включены сауна, соляная комната, SPA-бассейн и даже популярная нынче скандинавская ходьба. Целый маршрут для нее с большими и малыми кругами разработали по опушке близлежащего леса.

В общем, санаторий остался кормильцем и поильцем жителей Вырубки, оттого поселок не пришел в упадок, а наоборот – стал развиваться. Открылись два кафе, на деньги жителей построили из сруба собственную небольшую церквушку, а года три назад местные власти решили, что должно быть в Вырубке какое-то историческое наследие. Начались поиски. Но не жили здесь ни великие писатели, случайно забывшие личные вещи, ни космонавты, посадившие в благодарность за хорошее лечение в санатории молодую березку, ни знаменитые артисты, давшие для работников «Лесных далей» концерт. Так и осталась бы эта идея только идеей, если бы не приехал в поселок новый учитель истории.

С тех пор жизнь Марго резко изменилась. Надо сказать, что на красавицу медсестру из физиокабинета заглядывались многие отдыхающие. Только Марго быстро пресекала многочисленные игривые намеки. Знала уже, что никуда они не ведут, – обожглась по молодости. Была она тогда юной и неопытной, только-только устроилась на работу, и вдруг – бизнесмен из Москвы пожаловал подлечить пошатнувшееся здоровье. Молод, хорош собой и пел, будто соловей. Какая Марго прекрасная, добрая, душевная, в Москве таких теперь и не сыскать. А он – бедный, несчастный, одинокий, работа трудная, три дорожных кафе на МКАДе, кругом одни воры. Пожалела Марго бедолагу, сдала бастионы, а когда соловей укатил в свою столицу, поняла, что беременна. Только вот номер телефона, который он оставил на прощанье, обещая, что при первой возможности вызовет ее к себе в Москву, оказался липовый. И не случилось у Марго ни Москвы, ни принца, зато появился Пашка. С тех пор на романы с приезжающими был у красавицы медсестры строгий внутренний запрет.

² Роман А. Дюма-отца «Королева Марго».

А тут – учитель. Молоденький, в очках. И сердце Марго дрогнуло. Звали учителя Себастьян Петрович. В честь героя какого романа нарекли его так родители, она не спрашивала, но ясно стало сразу – им двоим суждено было встретиться.

Он засматривался на ее яркую народную красоту, она – на его высокую нескладную фигуру, мечтая накормить.

Всем известно, мужчина в женском коллективе – существо драгоценное и желанное. Себастьян Петрович в школе был единственным мужчиной, если не считать мужа директрисы, который преподавал одновременно физкультуру и труд. Но глаза мужа директрисы интеллектом не светились, Себастьян же Петрович покорила дам своим воспитанием и тактом, поэтому с первого дня был окружен такой заботой и вниманием, от которых ему все время хотелось сбежать. Поэтому в учительской он появлялся редко – предпочитал отсиживаться в кабинете. Там-то и нашла его однажды Марго, которая искала учителя начальных классов.

– Добрый день, – поздоровалась красавица с незнакомым мужчиной.

Мужчина прикреплял магнитами к доске изображения различных развалин.

– Здравствуйте, – обернулся он и застыл.

И было от чего. Дело двигалось к весне, однако на улице все еще стоял мороз, потому одета Марго была в темную дубленку, а на голове ее красовался пестрый цветастый платок, края которого укрывали покатые плечи. Себастьян Петрович безмолвно смотрел на статную кустодиевскую красавицу.

– Вы не знаете, где Татьяна Викторовна? – поинтересовалась красавица.

Он отрицательно покачал головой. Говорить почему-то совсем не получалось.

– Где же мне ее искать? Вызвала, сказала, что Паша, сын мой, не понимает что-то по окружающему миру. Да разве там что понять можно? Такое намешали. Историю с ботаникой и астрономией в одну кучу. Я бы тоже запуталась.

Он закивал, соглашаясь.

– Марго, – улыбнулась красавица.

– Себастьян, – выдал из себя учитель истории и зачем-то добавил: – Петрович.

– Где же мне искать Татьяну Викторовну?

– Вы ей позвоните, – предложил Себастьян.

– Точно, как же я не догадалась, – обрадовалась Марго, вынула из сумки телефон и развязала свой нарядный платок.

Татьяна Викторовна ответила, что находится у директора и будет минут через десять, попросила подождать. За эти десять минут Себастьян Петрович, обретя дар речи, увлеченно рассказывал Марго про развалины, прикрепленные к доске. Одни из них были Афинским акрополем, вторые – остатками легендарных Помпей, а третьи...

– Это Адрианов вал. Когда-то здесь находилась огромная стена, разделявшая Англию и Шотландию. Шотландцы тогда были дикими племенами, с ними даже римские легионы не могли справиться, поэтому, захватив британский остров, римляне решили отделиться от шотландцев стеной.

– Надо же, – удивилась Марго, – я не знала, что римляне еще и Англию прихватили.

– Их завоевания были обширны, – улыбнулся Себастьян Петрович, – Испания, Франция, часть современной Турции. И везде они оставили следы своей цивилизации.

– Повезло им с историческим наследием. А у нас даже от татаро-монголов ничего не осталось. Хоть бы обломок копья какой, – посетовала Марго.

– А зачем вам обломок копья?

И тогда Марго рассказала Себастьяну Петровичу об идее возрождения культурных ценностей и тщетных поисках исторического наследия. Глаза учителя истории за линзами очков азартно заблестели, но тут вернулась от директора Татьяна Викторовна, и разговор пришлось прервать.

Однако через месяц выяснилось, что слова Марго не остались без внимания, и с помощью социальной сети Себастьян Петрович нашел художника, который родился и провел детство в Вырубке, а после окончания школы уехал покорять столицу. Столица не сказать что покорила, работал он теперь администратором в ресторане японской кухни, а в свободное время писал картины. Для души. И выкладывал их фото на свою страничку в сети. Картины были настолько колоритные, в чем-то детские, в чем-то наивные и сказочные, что сразу привлекали внимание. Старичок-боровичок с хитрыми глазами, избушка на курьих ножках с приоткрытой дверью, через которую выглядывает красавица, кот ученый на ветке дерева, а под деревом витязь спящий. Такое все яркое, красочное, что глаз не отвести. Свои находки Себастьян Петрович показал Марго, а она в свою очередь понесла показать их в администрацию. Решено было связаться с самородком и попросить у него несколько шедевров в дар поселку с обещанием устроить именную галерею на родине. Художник так обрадовался предложению, что лично приехал со своими работами. Все сразу стали охать и ахать, вспоминать, каким непослушным мальчуганом он был, и что никто никогда бы не подумал о настоящем даровании у такого хулигана. В общем, Вырубка получила в дар пятнадцать картин, место для них нашли в заброшенной избе прямо напротив санатория. Избу предварительно подлатали, подновили, повесили новые наличники, побелили печку. Походили по местным жителям – собрали старых вещей для антуража. В горнице поставили деревянные лавки и резной стол для чаепитий, на него водрузили медный самовар, пол застелили полосатыми половиками, на окна повесили хлопковые занавески с шитьем. Полати украсили лоскутным одеялом. А стены украшали картины. Изба-галерея была готова.

На торжественное открытие приехал сам художник и высокая худая женщина с короткой стрижкой – искусствовед из Москвы. Она произнесла красивую речь о важности сохранения местных традиций и народного творчества. А позже, когда все разошлись, окинула взглядом картины и пренебрежительно заметила:

– Вряд ли автор прославится. Ценности художественной эти картинки не несут, новаторских идей нет, так... примитивизм, почти наскальная живопись. Но для ваших краев пойдет.

Слова эти услышал автор, его потом долго успокаивали и отпаивали. Сначала чаем, потом местными настойками. А Марго разозлилась. Может, в живописи она и не разбиралась, и про новаторские идеи не слышала, да только радовалась за свой поселок, гордилась Себастьяном Петровичем, который нашел художника, думала о том, что теперь в избе-галерее можно праздники детям устраивать. Хоть бы и Масленицу. А что до искусствоведа...

– Мы, конечно, не столица, и картины у нас, наверное, не те, – сказала Марго, – а только сколько к нам москвичей летом приезжает – не пересчитать, и все они никак на наши леса и поля насмотреться не могут. Нету у них такого простора, и воздуха чистого, и трав, и ягод с грибами. Так что еще неизвестно, кто круче.

Искусствовед уехала, а галерея зажила своей жизнью. Там и правда гуляли Масленицу – жгли во дворе чучело, водили хороводы, пекли блины. К местным присоединились отдыхающие. Для них, желавших развлечений после дня с процедурами, устраивали в избе чаепития из самовара с блинами и пирогами, вечера с частушками, мастер-классы по плетению корзин.

А Марго все любовалась картинами. И как-то вдруг по-другому увидела лес, который знала с детства, и речку, что протекала за оврагом, и поля. По-другому увидела узоры на старых вышитых рушниках, украшавших горницу, все эти цветы и солнца, и птицы-жаворонки. Все словно ожило, заговорило с ней, стали в голове складываться сказки. Марго смотрела на картины и думала о том, что кот специально усыпил своими байками витязя, чтобы тот не добрался до плененной царевны, а красавица в избушке – Баба-яга, только юная. И злой она стала позже, от несчастной любви. Однажды вечером, когда мама и Пашка уже легли спать, Марго взяла лист бумаги, ручку и написала свою первую сказку. Сказка была про мудрый гриб-

боровик, который всем прохожим задавал загадки. Если человек загадки разгадывал, то ему разрешалось собирать в лесу ягоды и грибы, а если нет – то возвращался он из леса ни с чем.

Сочинительство стало маленькой тайной Марго, настоящей радостью, окошком в новый неизведанный мир.

В санаторий приезжали разные люди, случалось, и пишущие. Часто они хвастались:

– На прошлой неделе на городском портале выложили мой прогноз о перспективах развития области.

– Я преподаю в институте и пишу, конечно. Научная деятельность – дело серьезное, пока в специализированных журналах напечатали только три моих статьи...

Марго слушала пациентов, кивала и улыбалась. «Знали бы вы, – думала она, – что я тоже пишу. Я знаю, что это такое – садиться и складывать слова в предложения, а из этих предложений выстраивать целую историю. У кого-то прогноз, у кого-то научный труд. А у меня сказка. Вы тут отдыхаете, лечитесь, делаете свои процедуры и ничего-то про меня не знаете. Совсем ничегошеньки».

Только одну сказку Марго никак не могла закончить, потому что, начавшись многообещающе, она вдруг словно уснула. И непонятно, будет ли у сказки продолжение, а если будет, то какое.

Марго была женщиной хоть и самостоятельной, но все же мечтающей. Иногда даже самая самостоятельная и самая инициативная женщина ждет решающего шага от мужчины. А Себастьян, как только изба-галерея открылась, притих. Раньше у них было общее дело, теперь же этого дела не стало. Надо было придумывать новый предлог для общения, а он все никак не придумывал, только заглядывался, если Марго шла по улице или наведывалась в школу.

«Горе луковое, – думала она. – Ну давай же».

И сердце заходило сначала от нежности, потом от обиды. Вот что за мужик? Одним словом, интеллигент. А тут в декабре в санаторий пожаловал отставной генерал, и Марго ему ох как приглянулась, так приглянулась, что слух об этом пошел по всему поселку. И она не выдержала.

Столкнувшись в очередной раз с Себастьяном Петровичем в галерее, куда она принесла на продажу вареники Тамары Ивановны, Марго сказала:

– Значит так, Сёбушка, всю душу ты мне вымотал. Решай: либо прямо сейчас целуешь и говоришь, что жить без меня не можешь, либо уеду завтра же с генералом, и гори оно все синим пламенем.

Никуда она, конечно, с генералом, не уехала бы. Не нужен был ей генерал, да и Пашка всего на свете важнее. Но Себастьяну знать об этом необязательно. Услышав такое, он сначала побледнел, потом покраснел, потом снял очки и поцеловал. Как птенец – робко и несмело. Но у Марго и от такого поцелуя голова закружилась. Обхватила она его своими теплыми руками и ответила. А тут и Сёбушка осмелел, и они бы еще долго самозабвенно целовались, если бы не послышалось рядом легкое покашливание. В общем, жизнь, кажется, начала налаживаться, Марго даже пригласила Себастьяна праздновать Новый год вместе, но коварный аппендицит внес свои коррективы.

На следующий день после экстренной операции Марго лежала под капельницей и писала сообщение: «Я в больнице, Сёбушка. Новый год придется отменить».

Сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Звали его царь Баюн. Как кот. Только кот своими сказками людей зачаровывает, а царь-государь зачаровывал молчанием. За него его жена говорила, Марфа Дормидонтовна. Вяжет свой разноцветный носок царица и говорит, где какой овощ садить, какую рыбу к столу подать, какого скомо-роха за смелые песни наказать. Царь-батюшка только царские указы диктовал, и был у него для этого личный писарь Фернандо. Имя у писаря редкое, заморское. Долго привыкали к нему здешние люди, удивлялись. А все дело в том, что отец Фернандо служил послом, много ездил, много видел и познакомился во Фрязии с изобретателем – очень умным человеком. Вернулся посол домой и захотел, чтобы его сын тоже стал умным. Жена как раз была на сносях, и как срок подошел, сын родился, нарекли его Фернандо. Имя не подвело. Оказался ребенок семи пядей во лбу. И писать умел, и книги иностранные читал, и летописи наизусть знал. Да вот беда, то ли от учености своей, то ли от природы был он очень застенчивым. За девками не бегал, песни им не пел, хороводы, как другие молодцы, не водил. Меткой стрельбой из лука не удивлял, силу богатырскую не показывал. Все сидел в светелке да царские указы писал.

Жила в царском тереме Забава – девушка нрава доброго и веселого. Хоть рода она была не царского, да только красавица такая, что вились за ней и парни дворовые, и охотники, и дружинники. Вились, зубы скалили. Да все зря. Приглянулся Забаве писарь семи пядей во лбу, парень ласковый и застенчивый. Только что с ним делать, не знала Забавушка. Уж и на луг Фернандо звала ромашки с колокольчиками собирать, и в лес по ягоды. Был он смирный, послушный, венок из колокольчиков плел да на девушку надевал, корзину с земляникой носил, но все никак не мог набраться смелости и поцеловать.

«Что же, – думала Забава, – неужто в царском тереме нет книг ученых, как за девицами ухаживать? Вон парни наши дворовые книг не читают, а за девками ухлестывают – любо-дорого посмотреть. Мой же хоть ученый и покладистый, а ровно птенец желторотый».

Вздыхала Забава и не знала, как расшевелить Фернандо.

А ведь не она одна замечала его чистую душу. Много по терему незамужних девок ходило. Кто капусту царскую солил, кто за детками царскими приглядывал, кто царицу-матушку песнями развлекал, пока она свой носок вязала.

Того и гляди уведут писаря.

Три ночи не спала Забавушка, все думала, как приворожить молодца. И придумала.

Был в лесу за высокими соснами, за старыми елями пруд. Если двое в нем искупаются, то вовек уже не расстанутся. Только купаться надо ночью лунной, чтобы звезды отражались в темной воде, а русалки тихо пели песни. Если молодец один приходит к тому пруду – уносят его русалки в свое подводное царство навечно, а если с девицей – то встречают их как гостей и поют волшебные привораживающие песни.

Приняла решение Забава и пошла утречком к царскому писарю.

– Всем ты хорош, Фернандушко, – сказала она, перекидывая через плечо толстую косу, – да больно робок. А у меня годы бегут. Пойдешь со мной на пруд купаться?

– Пойду.

– И ночью пойдешь?

– А ночью зачем?

– Нешто не знаешь?

Посмотрел Фернандо на Забаву удивленно и ответил:

– Пока не знаю, но к вечеру узнаю.

И стал писарь семи пядей во лбу царские летописи перебирать. Разве есть что-то, что ему неизвестно?

Ожидание праздника

– Огурец как настоящий! – В руках Пашки блестел темно-зеленый, с пупырышками, стеклянный огурец, а Катя держала царевну в нарядном кокошнике. Внизу, у самых ног царевны, была прищепка, с помощью которой она крепилась к елке.

В коробке еще лежали сосульки, космонавт, крошечные домики, разноцветные шары и даже стеклянные бусы. Теперь подобное только в музее можно увидеть. Да и сама елка хоть и искусственная, а совсем не такая, какие сейчас продаются в магазинах. Иголки жесткие, пластмассовые.

– Столько лет елку не вынимали, все сосновыми ветками обходились, – сказала Тамара Ивановна, прилаживая белую простыню на табурет. Елка была небольшая, поэтому, чтобы придать ей высоту, поставили на табурет, который теперь следовало задрапировать.

– Это типа снег? – поинтересовался Пашка, вешая на ветку огурец.

– Это типа сугроб, – в тон ему ответила Тамара Ивановна.

Борис Ильич, сидевший рядом и занятый распутыванием гирлянды с фонариками, хмыкнул.

В доме чувствовалось предпраздничное настроение, и, казалось, ничто, никакая непредвиденная ситуация или неприятность, не могло испортить ожидание праздника.

Утром забегал Себастьян Петрович, взволнованный и оживленный. Оказалось, Марго ему написала об операции и попросила привезти необходимые вещи, от зубной щетки до тапочек. У нее же в больнице совсем ничего нет.

– Марго сказала, вы мне поможете, – с надеждой посмотрел на Катю учитель истории. – Рыться в женских вещах – это как-то... неприлично.

– Конечно, неприлично, – согласилась Катя и позвала на помощь Пашу, который точно знал, что где у них в квартире находится.

Вообще, жить с мальчиком оказалось не так уж и сложно. Он спал в гостиной на диване, рядом были его игрушки. Вчера по всей квартире устанавливали в вазы пушистые сосновые ветки, а потом украшали их игрушками, которые вместе покупали в хозяйственном магазине. Одним словом, очень серьезно готовились к празднику. Ждали звонка от Марго, сами не звонили, боялись потревожить не вовремя. После обеда Марго позвонила, сказала, что ее перевели в обычную палату, но под праздник больных оказалось немного, так что в палате она одна, «никто рядом не храпит и не сморкается».

Потом Катя из комнаты вышла, дав поговорить матери и сыну без свидетелей, тем более пора было заняться приготовлением ужина.

А сегодня утром пожаловал Себастьян. Он топтался в дверях квартиры Марго до тех пор, пока его не усадили в большой комнате на диван.

Катя пыталась в гардеробе найти халат, смену белья, полотенца, а Пашка собирал зубную щетку, пасту и искал тапочки. Он вообще был очень смышленным и организованным ребенком. Наверное, сказывалось то, что рос без отца и в некоторых случаях уже сейчас чувствовал себя мужчиной. Катя не раз видела, как он забирал у Марго сумки с продуктами, собирал яблоки под яблонями за домом.

– Мы их засушим, – объяснял он Кате, – а зимой компот будем варить или так, вместо семечек есть. Вы любите сушеные яблоки?

Катя с ответом затруднилась. Она никогда не ела сушеных яблок.

– Я вас угощу, – пообещал Пашка.

У них как-то с самого начала, лишь только Катя поселилась в этом доме, сложились дружеские отношения.

– Ты нашла к нему подход, – говорила Марго. – Паша не со всеми так общается.

И вот теперь, работая слаженной командой, они набрали целую сумку вещей и уже собрались было проводить Себастьяна Петровича в больницу, как тот вспомнил:

– Еще блокнот и ручку! Марго настоятельно просила. Такой большой блокнот. Она сказала, что он лежит на тумбочке у кровати.

Катя кивнула и пошла в спальню. Она быстро нашла и блокнот, и ручку, а еще взяла с полочки перед зеркалом маленький флакон духов и незаметно положила его в сумку с вещами. Все-таки намечается свидание, пусть и в больничной палате.

Когда они втроем вышли из квартиры, в подъезд заходил Борис Ильич с полным пакетом продуктов, из которого выглядывали бананы.

– Добрый день, у вас бумажных салфеток не найдется? Марго список написала, Себастьян Петрович сейчас повезет вещи в больницу, а салфеток мы не нашли. – Катя чуть виновато посмотрела на соседа. – И у меня... закончились.

– Мгм... – ответил тот, что означало «идите за мной».

Дома Тамара Ивановна быстро нашла салфетки, вручила их Себастьяну, а потом, узнав, что Новый год он собирается встречать дома один, пригласила к себе.

– У нас будет хорошо, – пообещала она, – Паша, Катенька, мы с Борисом Ильичом...

– Мгм... – ответил Себастьян Петрович, переняв это полезное высказывание у хозяина дома, – вы так добры, но не знаю, удобно ли...

– Отчего же неудобно, очень даже удобно. Ждем вас вечером.

Когда смущенный, нагруженный вещами Себастьян поспешил на остановку, Тамара Ивановна указала Кате на две коробки:

– А мы сейчас будем елку собирать.

И вот теперь Катя держала в руках стеклянную царевну и думала, на какую же ветку ее прикрепить. Новогодняя елка всегда рождала в ней ощущение чуда. Почему так бывает, Катя не знала и не могла объяснить, но каждый раз, когда вешала на елку шары, вновь чувствовала себя ребенком, а игрушки казались живыми. Все эти зайчики, мишки, белочки.

Что уж говорить о старинных украшениях, которым больше полувека. Они просто завораживали.

– Это еще моей мамы, – сказала подошедшая Тамара Ивановна, заметив, как Катя разглядывает царевну.

– Очень красивая.

– Да.

Катя прикрепила фигурку на видное место и вынула из коробки новую игрушку.

– Сова! – воскликнула она, улыбаясь. – У нас дома была точно такая же!

– Это уже я покупала. Смотрю сейчас на елку и думаю, что могу рассказать почти про каждую игрушку. Огурец принес Борис Ильич, это был целый овощной набор, но со временем он разбился. А вот эту сосульку подарила свекровь. Домик с серебряной крышей мы привезли из Ленинграда. А большой синий шар мне сын подарил, купил на карманные деньги, когда в пятом классе учился. Вся жизнь перед глазами на одной елке.

– Я бы, наверное, тоже хотела такую елку, – тихо сказала Катя, – на которой каждая игрушка связана с человеком или событием.

– Дед Мороз какой-то странный, – подал голос Пашка.

Он задумчиво смотрел на пластмассовую фигуру с огромной бородой и посохом.

– Не странный, а старинный, – ответила Катя. – Раньше почти все деды морозы были такими.

– Да? Ну ладно.

Время до вечера пролетело быстро. Сначала аккуратно развешивали на елке стеклянные бусы, потом украшали фонариками комнату, раздвигали стол, чтобы стал большим, накрывали его скатертью, готовили мясо и курицу, резали салаты, мыли фрукты, овощи, доставали соле-

ня, украдкой по очереди подкладывали под елку свертки с подарками, звонили в больницу – поздравляли Марго с наступающим Новым годом и уверяли, что с Пашей все хорошо. Потом вспомнили, что забыли купить шампанское, и звонили уже Себастьяну Петровичу, который ждал автобуса до Вырубки – просили купить в Приреченске шампанского. Магазины были полны народа, поэтому историку пришлось отстоять большую очередь, но в итоге в восемь вечера довольный Себастьян Петрович в запотевших с мороза очках стоял на пороге квартиры Тамары Ивановны с двумя бутылками игристого, мандаринами, коробками конфет и банкой красной икры. Тогда все вспомнили, что забыли про бутерброды с икрой. А Новый год без бутербродов не Новый год, и стали хвалить Себастьяна Петровича за сообразительность.

За стол сели ближе к девяти. И только собрались открыть первую бутылку шампанского, как послышался негромкий шум – какой-то автомобиль остановился у дома. Потом раздался звук захлопнувшейся дверцы, а потом кто-то загремел воротами, явно пытаясь их открыть.

Капитан дальнего плавания

Выезжая из Москвы, Вадим думал об Ольге и об их разговоре накануне. Сообщение о том, что он на праздники отправляется в Вырубку, стало для Ольги сюрпризом. И не из приятных.

– Ты с ума сошел? Я так ждала эти праздники! Какая Вырубка?

– Поехали со мной, – предложил Вадим.

На самом деле он не хотел, чтобы Ольга поехала, но не предложить не мог. Так требовала совесть.

– Никуда я не поеду! Из Москвы в захолустье в праздничные дни, когда весь город гуляет, когда у нас были планы на третье! Ты специально это сделал, признайся.

Он молчал. Чувствовал одновременно и свою вину перед ней, и облегчение. Ольга не поедет.

– Что я скажу маме? Между прочим, она нас ждет.

– Скажи, что... мне срочно потребовалось на родину.

Вадим взял ее за плечи, посмотрел в глаза и серьезно сказал:

– Оль, мне правда очень туда надо.

Она усмехнулась:

– Кто бы сомневался, – и смахнула его руки со своих плеч. – Тебе надо в родной поселок, в срочную командировку, потом, когда есть перерыв между поездками, – еще куда-нибудь. Тебя никогда нет рядом. Никогда. Я живу от одного телефонного звонка до другого. Я устала так жить, Вадим.

Он молчал, она кружила по комнате.

– Даже неясно, кто я тебе. Хотя... удобная женщина, так? С ней можно переспать, а утром снова куда-нибудь уехать. Но я так больше не хочу. Я потратила на тебя два года, думала, потерплю, потом все наладится, с мамой познакомила. Но с тобой же ничего нельзя наладить. Ты этот... капитан дальнего плавания... и сволочь.

После «сволочи» он ушел. Сказал: «Прости» и закрыл за собой дверь.

А на следующий день, тридцать первого декабря, тронулся в путь. По дороге, как и планировал, завернул в торговый комплекс, провел там два часа, потому что везде было столпотворение, купил всякой ерунды, включая вазы для конфет и полотенца со снеговиками. Неожиданно получил от этого удовольствие, загрузил все в машину и взял курс на Вырубку.

На Ольгу он не обижался. Она была права. И, в общем-то, именно той самой сволочью он себя и чувствовал. Раньше надо было расставаться, а не тянуть до праздника. Если ты не хочешь с женщиной встретить Новый год – это о многом говорит.

Конечно, можно позвонить, извиниться, постараться наладить отношения, только зачем? Снова давать напрасные надежды? Ничего хорошего из этого не выйдет. Он будет уезжать в свои командировки, она будет ждать, обижаться и потом высказывать. Все это Вадим уже проходил с другой женщиной. Брак продержался ровно три года. Это при условии, что они друг друга любили. Развод был долгий и мучительный. Хорошо, что детей не успели завести.

Наверное, пора уже смириться с тем, что он одиночка и едва ли найдется женщина, которая согласится принять его кочевой образ жизни. Женщина, которая сможет его полюбить. И которую сможет полюбить он.

Но чем дальше Вадим удалялся от Москвы, тем легче становилось. То ли снежные пейзажи за окном умиротворяли, то ли ожидание встречи с родным домом... только чувство, что правильно он сделал, не оставшись на праздники в столице, крепло с каждым километром, отделявшим его от Москвы. Он понял, что хотел бы увидеть своих соседей, поговорить с Тамарой Ивановной, посидеть с Борисом Ильичом. Сын Марго, наверное, уже совсем вырос. А ее

мать, тетя Аня, оставалась деловой и хозяйственной, продолжала давать полезные советы по засолке огурцов и помидоров.

Они всегда жили одним общим домом, одним двором. И, наверное, именно к этому двору и стремился сейчас Вадим. Мы всегда цепляемся за прошлое, когда что-то не ладится в настоящем. Счастливое прошлое нас баюкает, дает укрытие, передышку, пока мы набираемся новых сил, чтобы вновь встретиться с настоящим. Может, и нет сейчас в Вырубке никакого общего дома и общего двора. Жизнь нигде не стоит на месте. Все меняется. Но Тамара Ивановна и Борис Ильич точно есть. А это значит, что есть к кому ехать. В его кочевой жизни это уже немало.

Дорога была загружена, ехать пришлось долго. Казалось, все непременно спешили куда-то попасть тридцать первого, поэтому, когда Вадим остановился у дома, было уже около девяти. А окна в доме темные. Все, кроме квартиры Тамары Ивановны. Значит, все-таки не зря ехал. Посидев немного в салоне автомобиля, Вадим вышел на улицу чтобы открыть ворота.

Сначала просто подергал створки – закрыты. Значит, придется открывать изнутри. Для этого надо было зайти в подъезд дома, пройти его насквозь и выйти через заднюю дверь, которая вела во двор, затем поднять балку, скрепляющую створки ворот. Все это Вадим сделал быстро и как-то привычно. Ноги сами шли, руки сами делали. Мышечная память, не иначе. Ворота поддались легко, несмотря на выпавший снег. Накануне здесь все чистили. Уличные фонари и невыключенные фары автомобиля отбрасывали рассеивающийся свет на дорогу, стену, снег. И мысль в голове была только одна: «Я дома».

Потом хлопнула дверь подъезда, и на дорогу вышел старый человек.

– Борис Ильич! – окликнул его Вадим.

Человек обернулся и первое время щурился, пытаясь разглядеть гостя, а потом с легким сомнением в голосе спросил:

– Вадим?

– Я.

– Вот неожиданность. – Он немного потоптался. – Ты один?

– Один.

– Тогда к нам заходи. Устроим Тамаре Ивановне сюрприз.

Вадим подошел к старику и пожал ему руку. Рука Бориса Ильича оставалась крепкой.

– Как Тамара Ивановна?

– А вот придешь и сам увидишь.

Вадим улыбнулся.

– Тебе помочь?

– Да нет, я только машину поставлю и ворота закрою. Через пять минут буду.

Борис Ильич кивнул:

– Тогда пойду предупрежу. Про гостя.

Когда Вадим вошел в подъезд с пакетами, дверь квартиры была приоткрыта. Его ждали.

– Вот так подарок! – воскликнула стоявшая в коридоре Тамара Ивановна. – Вместо Деда Мороза. Ну давай, разувайся, раздевайся, руки мой и за стол.

Ничего не изменилось. Сколько раз она говорила те же самые слова, когда они вместе с Вовкой, ее сыном, забегали попить воды в детстве. И так приятно было подчиниться сейчас этим хозяйским распоряжениям.

А в комнате ждал накрытый стол, а за столом сидели гости. И начались представления друг другу.

– Это Катерина, твоя теперешняя соседка.

– А где же Морошкины?

– Так они уже год назад как съехали. Дом на той стороне построили и съехали. А квартиру сдали.

– Очень приятно, Катерина.

– А это наш учитель истории Себастьян Петрович.

– Вадим, – и крепкое рукопожатие.

– Катя тоже учитель. А вот посмотри, как вырос наш Паша. Паша, узнаешь дядю Вадима?

– Который капитан дальнего плавания?

– Он самый, – ответил Вадим.

Ольга, сама того не зная, назвала его точно так же, как всегда называла Марго.

«Ты, Вадим, всю жизнь будешь бороздить моря и океаны, – говорила она. – А женщины ждать не любят».

Она оказалась права.

– Где же сама Марго?

– Ой, Вадим, тут такая история приключилась. – Тамара Ивановна пододвинула поближе к гостю салат. – Марго в больнице, а Паша у нас.

Дальше последовал подробный рассказ про аппендицит. Потом все вспомнили про праздник, наполнили бокалы шампанским, и Борис Ильич на правах хозяина дома провозгласил краткий, но емкий тост:

– За уходящий год!

И елка сверкала разноцветными огоньками, и президент по телевизору поздравлял граждан с наступающим Новым годом, и куранты отбивали удары, и снова было шампанское и поздравления. Были рассказы Себастьяна Петровича и Паши про школу, про открытую почти год назад избу-галерею со сказочными картинами и вязаными варежками и носками Тамары Ивановны.

– Она у нас теперь бизнес-леди, – посмеивался Борис Ильич.

А Вадим вспоминал забавные случаи из детства, и все смеялись над проделками Марго, Вовки и его собственными.

– Да, это была настоящая банда, – утирала от смеха слезы Тамара Ивановна, – и главное, мальчишки-то большие уже, а Марго совсем маленькая, но везде за ними бегала.

Вадим сидел за столом и чувствовал себя так, как уже давно не чувствовал. Он был дома. Именно так. Ни больше ни меньше. А дом – это стены, это люди, это место, где тебе хорошо.

И комната эта почти не изменилась, только хозяева постарели, и Пашка смотрел на него глазами Марго, и учитель со смешным именем казался симпатичным. Таким в жизни приходится нелегко, слишком воспитанные и щепетильные. Но, может, именно их и не хватает. Наглых и беспардонных полным-полно. А тех, которые на голом энтузиазме из старой избы галерею сделают, чтобы детям и отдыхающим праздники устраивать...

Когда пришло время пить чай, Вадим вспомнил про подарки. Пакет так и остался лежать в прихожей. В нем нашлось все – конфеты и праздничные полотенца для Тамары Ивановны, коньяк для Бориса Ильича, машина на дистанционном управлении для Паши, а подсвечник, который Вадим и сам не знал, зачем купил, – просто понравилась толстая красная свеча в окружении настоящих сосновых шишек, искусственной хвои и засушенных ягод, – он вручил Катерине.

Она одна была за столом молчалива. Но это не было молчание замкнутого или недовольного человека. Это не было молчание человека невеселого. Просто, наверное, она не из тех, кто перетягивает внимание на себя. И вместе с тем нельзя было сказать, что Катерина затерялась.

Ровная спина, светлые волосы, убранные в низкий узел, и кудрявые, выбившиеся завитушки у ушей. Черты лица тонкие, как у фарфоровой статуэтки. И сама она казалась Вадиму не отсюда. Такие женщины не живут в поселке с названием Вырубка, такие не живут даже

в мегаполисах, наверное. Они из прошлого, из пушкинских времен. Таким пишут письма, и непременно на французском, и возят на воды в Кисловодск.

Они сидели рядом, Вадим подливал в ее фужер шампанское, она благодарила в ответ с едва заметной мягкой улыбкой, а он смотрел на ее шею, заметил светлые завитки не только около ушей, но и чуть ниже узла. И мочки ушей с крошечными блестящими капельками-сережками казались по-детски розовыми и беззащитными. А на безымянном пальце левой руки у нее было небольшое кольцо с тремя темными, почти черными камушками, которые полыхали красным, если Катерина шевелила рукой. И золото было необычного цвета, не красное, не лимонное, а ярко-желтое с чернью. Как на картинах.

Что же делает эта барышня в Вырубке? Да еще, судя по всему, одна. Что квартиру снимает, это Вадим понял.

А что он сам здесь делает? Когда в Москве остались Серега и Ольга. Про себя он знал.

Наверное, Катерина про себя тоже знала.

В половине второго она поднялась и сказала:

– Паша, нам пора спать, а то завтра не встанем. Нам ведь с тобой к маме ехать, поздравлять ее с Новым годом.

– Завтра маршрутки могут плохо ходить, первое января, – поделилась опасениями Тамара Ивановна.

– Я отвезу, – с удивлением услышал Вадим собственный голос.

Значит, он все-таки существует

Катя некоторое время стояла около двери, не решаясь нажать на звонок. Вчера все получилось так неожиданно. И очень по-новогоднему. Нежданный гость на пороге дома за пару часов до боя курантов. Как в кино или книгах. И вот сегодня он обещал довести их до города.

Паша встал с трудом, зато позавтракал с аппетитом, а потом сел распаковывать леги, которое вчера нашел под елкой. Мальчик вырослел, но все еще оставался ребенком, поэтому главный вопрос утра был:

– Это подарок от мамы или от Деда Мороза?

С одной стороны, Паша уже подозревал, что, скорее всего, Деда Мороза не существует и набор купила мама, с другой – до сих пор верил в волшебного бородача с посохом.

Катя с интересом наблюдала за лицом мальчика, которое отражало весь спектр мыслей, подозрений, сомнений и переживаний.

– Не знаю, – ответила она. – Вот робота под елку положила я. Этой мой подарок. А как появилось леги – не видела.

– Мы не всегда сидели в комнате, – начал размышлять Пашка. – Тамара Ивановна нас всех выгоняла комнату проветрить.

– Все правильно, – подтвердила Катя.

– Дед Мороз мог в это время в окно влезть!

– Мог.

И Катя прочитала в горящих надеждой глазах мальчика: «Значит, он все-таки существует». Она улыбнулась, словно подтверждая: «Конечно, существует». А вслух сказала:

– Конструктор большой, ты до конца его все равно не успеешь собрать. Нам пора в больницу, поэтому давай отложим леги до вечера. И подумай, что мы твоей маме привезем в подарок?

– Елку!

Катя все же нажала на звонок и, пока ждала, думала, где взять елку. Дверь открыли быстро, было заметно, что сосед уже давно встал. Во всяком случае, выглядел он бодро.

– Добрый день, – поздоровалась Катя. – Вы вчера говорили о том, что можете подвезти нас до города... но если у вас планы...

– Все в силе, я отвезу. – Он вдруг улыбнулся.

И Катя улыбнулась в ответ.

– Я тогда пойду собираться. Мы с Пашей через полчаса будем готовы.

– Хорошо. Я как раз машину прогрею.

Он почему-то ее смущал. Катя не могла понять почему. Может, потому что из Москвы, может, потому что оказался неожиданным новогодним гостем, как из кино или книги. Но что-то в нем было такое, что заставляло ее не то чтобы теряться, но словно замирать на некоторое время.

Через полчаса они с Пашей уже сидели в просторной теплой машине. Машина, казалось, была специально сделана для их дорог. «Тойота». Машина хорошая, японская. «Лендкрузер». О такой мечтал Ярослав, но, живя с Катей, позволить себе не мог. Теперь, наверное, уже и купил. При видной невесте. Катя слегка поморщилась – ей не хотелось думать ни о Ярославе, ни о его невесте. Сегодня первое января, Новый год, и они с Пашей едут поздравлять Марго. За окном красиво и снежно, а на коленях – ваза с сосновыми ветками и разноцветными шарами. Один из новогодних букетов, которыми Катя украсила свою квартиру. Они везут в подарок картофельное пюре, паровые котлетки, термос с чаем и елку.

Мужчина за рулем был немногословен, он тихо включил радио и следил за дорогой. Катя украдкой его рассматривала. Под теплой расстегнутой курткой – свитер. Глаза светлые, а

коротко стриженные волосы когда-то были темными. Сейчас на висках отчетливо проступила седина. Хотя он молод, лет сорок. Наверное, генетика. Лицо... она даже не могла определить точно какое. Но казалось, что этот человек много времени проводит на улице. Оно было словно закалено дождем, ветром, снегом, не бледное, не нежное, с паутинкой мелких морщинок около глаз, как будто он часто щурится, и гладко выбритое. А еще руки, крупные, тоже слегка загорелые и несуетливые. Такие руки точно умеют вбить гвоздь, починить розетку или напилить дров.

Капитан дальнего плавания? Да, пожалуй, Катя легко могла его представить капитаном.

– Дядя Вадим, как вы думаете, Дед Мороз существует? – подал голос Пашка.

Все же мальчика не оставлял в покое этот важный вопрос.

– А что вам в школе говорят по этому поводу?

– Ничего. Только елки устраивают с переодетым физкультурником. Но мы же все знаем, что это не настоящий Дед Мороз.

– Что же вы в школу настоящего пригласить не можете? – этот вопрос адресовался Кате.

Вадим слегка повернул голову в ее сторону.

– Такими вопросами занимается директор школы, – очень серьезно ответила она. – Наверное, что-то не получается. Вы учились в той же школе?

– Да.

– Не помните, к вам настоящий приходил? Или переодетый?

– Мне всегда казалось, что настоящий. Но у нас директор был другой.

Пашка на заднем сиденье засопел.

– Паш, а в первом классе тоже физкультурник был? – поинтересовалась Катя.

Мальчик ответил не сразу, он усиленно вспоминал, а потом совершенно растерянно ответил:

– Не помню.

– Наверняка настоящий, – уверенно заговорила Катя. – Просто он везде не успевает. У него график очень плотный, школ много, поэтому приходится выкручиваться. Ты-то уже большой, если тебе сказать, что прийти не получится, – поймешь, а первоклашки маленькие. Их расстраивать нельзя.

Пашка снова молчал. Снова думал. Потом облегченно вздохнул и сказал:

– Да, наверное.

А Катя, придерживая руками ветки, набирала сообщение Марго: «Паша думает, что лего ему принес Дед Мороз». Предупреждала. Не хотелось разбивать веру мальчика в чудо. У него для этого еще будет время и возможности.

– Вы учитель начальных классов? – Вадим остановился на светофоре.

Они въезжали в город.

– Нет, английского.

– Да, конечно, я мог бы догадаться.

– Почему?

– Просто вы похожи на учителя или литературы, или английского. И совсем не похожи на учителя физики или, скажем, биологии.

– Это все стереотипы, – ответила Катя. – И я вполне могла бы оказаться учителем биологии.

– Возможно. Но в большинстве своем мы мыслим стереотипами.

Это точно. За окном замелькали улицы Приреченска. Снег сделал город чистым и нарядным, на площади перед кинотеатром установили елку.

– Мультфильм про богатырей! – Паша увидел афишу. – Мама обещала, что мы на него сходим, но заболела. Как вы думаете, он еще долго будет идти?

Вопрос относился не к кому-то конкретно, а вообще, к взрослым. Да, в Вырубке своего кинотеатра не было, поэтому на кинопремьеры все ездили в город. Катя думала, что ответить. Во-первых, она не знала, как долго будут показывать этот мультфильм, во-вторых, неизвестно, когда выпишут Марго, а в-третьих – едва ли подруге стоит сразу после выписки направляться в кинотеатр.

Но также понимала она абсолютно точно, что у Пашки должен быть праздник. Катя снова полезла в телефон, на этот раз посмотреть расписание сеансов. Оказалось, что ближайший через два с половиной часа, и билеты пока есть.

– Знаешь что, – сказала она. – Мы можем сейчас купить билеты и после того, как проведем маму, пойти в кино. Но добираться домой придется поздно и на маршрутке. У дяди Вадима наверняка есть свои дела.

О да. У него свои дела. Много дел! Вот сейчас, например, он едет в машине с еще вчера незнакомой женщиной и чужим ребенком и получает от этого колоссальное удовольствие. Так почему бы не продолжить в том же духе? И потом, не бросать же их одних в городе первого января, когда маршрутки ходят с перебоями. И вообще, что ему делать дома одному? К тому же Вадим не помнил, когда в последний раз был в кино. А уж детский мультфильм... лет пятнадцать не смотрел точно.

– Заказывайте три билета, – сказал он. – Я тоже хочу в кино, и вернемся все вместе.

– Правда?! – Пашка даже подпрыгнул от восторга, а Катя, резко обернувшись, чуть не выронила ветки.

– Приехали, – объявил Вадим, паркуя машину перед забором больницы.

Про метаболизм

Марго сидела на кровати и разглядывала своих гостей. Вадим приехал, вот так сюрприз! И Пашка восторженно рассказывал про лего от Деда Мороза и про то, что они сейчас все вместе пойдут смотреть мультфильм. Катя распаковывала еще теплую еду и косилась на яркие мандарины на тумбочке.

– Тебе разве можно мандарины?

– Нет, конечно, но их вчера Себастьян привез. Сказал, что апельсинов не было.

– Апельсины тебе, конечно, можно, – согласилась Катя.

А Марго рассмеялась.

Вот правду говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сколько бы они с Сёбушкой еще так кружили вокруг да около? Ну пришел бы он на Новый год, что дальше? И Паша рядом – не поцелуешь друг друга, не приласкаешь. А тут – аппендицит! Практически дар небес. Сначала, конечно, Марго очень переживала, что плохо выглядит. А потом подумала: либо пан – либо пропал, и написала сообщение.

В общем, не смутил Сёбушку ее больничный наряд. Прилетел, как ясный сокол, охал-ахал, вещи привез. Пытался мандаринами потчевать. А Марго увидела флакончик духов, заботливо положенный Катей. Женщина женщину всегда поймет.

Марго лежала на кровати, смотрела на Себастьяна и думала о том, как ей повезло с аппендицитом. В кои-то веки о ней настолько неподдельно и искренне заботились. Не ухаживали и заигрывали – такого она в санатории каждый день ложками хлебает. А вот чтобы по-настоящему, почти по-домашнему.

И целовались они потом тоже по-настоящему.

– Ты уж больше не болей, Марго, – говорил он, снимая очки и кладя их на тумбочку рядом с мандаринами.

– Не буду, – обещала она. – Мне тебя еще откармливать надо.

– Да я от природы такой худой. У меня метаболизм хороший.

– Не знаю, не знаю. Вот выйду из больницы и проверим твой метаболизм.

И ей уже очень хотелось отсюда выйти.

Маму, которая звонила из Мурманска с новостями о внучке, Марго, конечно, напугала. Но быстро успокоила, сказав, что операция прошла успешно, Пашка у Кати и вообще все хорошо, поэтому пусть не торопится и первым поездом обратно не едет. Это было вчера, а сегодня заглянули Пашка, Катя и Вадим.

– Сколько же я тебя не видела? – удивлялась Марго. – Года два точно. И виски совсем седые.

– Зато ты не изменилась, все цветешь.

– Скажешь тоже. Летом Вовка с семьей приезжал. Ты в Москве-то его часто видишь?

– Редко. – Вадим вертел в руках мандарин. – У меня же жизнь кочевая. Но видимся.

– Это хорошо, что видите. Слушайте, как вы с ветками здорово придумали. В палате свежей хвоей пахло. Прямо по-новогоднему.

– Мам, когда тебя выпишут? – Пашка сел на краешек кровати и гладил Марго по руке.

– Скоро, сынок. Сказали, что еще пару дней и можно домой. Да мне уже здесь и надоело.

– А как тебя лечат?

– Уколы делают утром и вечером, капельницы ставят.

Мальчик понимающе кивнул и серьезно произнес:

– Придется потерпеть.

Марго улыбнулась, потрепала сына по светловолосой голове.

В итоге мандарины Себастьяна ел Пашка, и когда они с Катей пошли в коридор выбрасывать кожуру (в палату утром забыли поставить урну), Вадим поинтересовался:

– Как она оказалась в Вырубке?

Марго пристально посмотрела на Вадима и задала вопрос:

– Нравится?

А потом сама же за него и ответила:

– Нравится.

Сказка

Нашел Фернандо старую летопись, в которой сказано про чудесное озеро. Нашел и обрадовался. Обрадовался и согласился пойти туда ночью вместе с Забавушкой. Да только не одной Забавушке приглянулся писарь. Подслушала их разговор девка Хворь, горбатая и завистливая. Захотела она сама искупаться с Фернандо в озере, поэтому подсыпала Забаве в квас зелье ядовитое. Выпила Забава квасу. И все. Упала, как цветок срезанный на траву-мураву.

А Хворь побежала к озеру. Думает, не разберет в темноте Фернандо, с кем в воду зайдет. А там, глядишь, и русалки свадебную песню пропоют. Станет царский писарь ее.

Да не тут-то было.

Вышла погулять в сад старшая царская дочь Несмеяна, сделала она несколько шажочков мимо цветов аленьких да увидела почти бездыханную Забаву. Тут же стала кликать царевна мамок-нянек да лекарей разных. Быстро перенесли девицу в терем, положили на перины пуховые, стали ждать докторов.

Весь день лекари подходили по очереди к Забаве, слушали, трогали лоб, о чем-то в углу шептались. И сказали потом царевне Несмеяне, что надежды нет. Топнула ножкой Несмеяна:

– Как нет? А ну звать ко мне царского писаря семи пядей во лбу!

Привели Фернандо. А за плечами у него мешочек дорожный с пирожками и чистой рубахой. На озеро собрался молодец, с Забавушкой при луне купаться.

Да только видит, лежит его нареченная на перинах пуховых, будто спит.

– Опои девицу, – сказала Несмеяна, – и лекари не могут вылечить. Найдешь в своем хранилище средство чудодейственное, вернешь Забавушку к жизни – отблагодарю щедро.

– Не нужна мне твоя награда, – молвил в ответ Фернандо. – Мне Забава нужна. Жениться на ней хочу.

– Я поговорю о том с батюшкой, – ответила царевна. – Но сначала верни ее.

Три дня сидел Фернандо в своей комнатушке, перебирал свитки старинные. И вот в одном нашел упоминание о чудесном фрукте мандарине.

Никто про такой фрукт и не слыхивал. Кроме Любомира-морехода, который тем вечером пристал на своей ладье к берегу.

– Видел я фрукт заморский, – сказал он люду доброму. – Да не только видел, а и с собой привез.

Вытащил Любомир из мешочка у пояса целых два мандарина.

Быстро царские стражники повели морехода в терем Баюна. Взял Фернандо плод заморский, очистил его, разделил на дольки да и капнул несколько капель на губы Забавушке. Сей же час открыла красавица очи, вздохнула, улыбнулась, а потом забеспокоилась:

– Проспала я озеро, Фернандушко?

– Не грусти, – успокоил ее царский писарь. – Мы и без озера поженимся.

Злая же девка Хворь просидела напрасно в озере до утра, а на рассвете ее водяной уволок.

Тут бы и сказке конец, да только приглянулась Любомиру-мореходу царевна Несмеяна.

Ах, как приглянулась! Второй мандарин он ей подарил – хотел порадовать девицу. Но не улыбнулась царская дочь. Говорили, была она от рождения печальной. Хотя Забава подозревала, что веселиться Несмеяна умела, и совсем еще девчушкой водила хороводы вокруг костра да песни распевала. А грусть ее, как и положено, пошла от разбитого сердца. Кто разбил сердце царевны, Забава не знала. Хранила свою тайну Несмеяна, никому не рассказывала.

Царь Баюн, глядя на дочь старицу, хмурил брови, молчал. А потом издал царский указ, мол, выдаст ее замуж за того молодца, который развеселит Несмеяну.

Съехались тогда женихи из разных стран, стали друг перед другом хвастаться и спорить, кому улыбнется царевна. Один на руках по горнице ходил, второй фокусы показывал, третий заставлял медведя под балалайку крутиться, четвертый огонь глотал. Да только Несмеяна продолжала грустить.

Все это время Любомир по земле странствовал, очень уж он путешествия любил. И не знал, какая девица в родном краю от грусти погибает.

Разъехались женихи несолоно хлебавши, стал ждать царь Баюн новых молодцев. Но тут наступили холода. Реки покрылись льдом. Не приедут заморские гости до наступления весны. Зато вернувшийся домой Любомир остался зимовать и мечтать о прекрасной Несмеяне.

Лыжи и валенки

Лес был укрыт снегом и казался сказочным. Катя подняла голову вверх, любуясь стройными соснами. Наверное, именно такие раньше шли на корабельное дело. Темные стволы уходили в небо, и лишь самые верхушки зеленели хвоей. Интересно, сколько им лет?

– Теть Кать, смотрите, как я умею!

Она обернулась на звонкий голос. Паша съезжал на лыжах с небольшой горки, что была между соснами.

– Молодец! Очень здорово!

Здесь она была для него соседкой и маминой подругой тетей Катей. А в школе – Екатериной Дмитриевной. В следующем году начнет у него английский преподавать. Впрочем, Катя еще не решила, останется ли в Вырубке после мая или будет искать другую школу. И другое место проживания. Вчера после мультфильма они пошли в кафе. Почему-то никому не хотелось возвращаться домой – хотелось продлить праздник. Мультфильм оказался интересным и очень смешным. Пашка хохотал в голос. Катя украдкой поглядывала на Вадима и пару раз заметила улыбку на его лице. Да, удовольствие от похода в кинотеатр получили все. И когда после окончания сеанса Вадим предложил поужинать в городе, Пашка чуть не бросился ему на шею от переполнявших эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.